

Отзыв официального оппонента
на диссертацию и автореферат Саблина Михаила Валерьевича
«Фауны крупных млекопитающих европейской части России в антропогене»,
представленную на соискание учёной степени доктора биологических наук по
специальности 03.02.04—зоология

Михаил Валерьевич Саблин представил в качестве докторской диссертации работу, в которой проанализированы и обобщены результаты полевых, камеральных, лабораторных и кабинетных исследований, проводившихся им в течение нескольких десятков лет и существенным образом обогативших наши знания о плейстоценовых и голоценовых фаунах крупных млекопитающих разных регионов европейской части России, а также о роли различных представителей этих фаун в жизни современных им человеческих популяций. При проведении этих исследований и в ходе работы над диссертацией её автором были изучены и измерены сотни тысяч костей животных, определено их систематическое положение (даны видовые определения), проанализированы условия их залегания и тафономия, проведены детальные сопоставления фаун разных местонахождений, регионов и периодов, реконструирован ряд черт поведения животных и людей минувших эпох и на этой основе предложены решения нескольких важных проблем, о которых ниже будет сказано подробней. Остеологические материалы, с которыми работал диссертант, происходят преимущественно с археологических памятников, со стоянок палеолита и поселений более поздних эпох, и поэтому центральное место в обсуждаемом труде занимают вопросы в равной мере интересные и для палеозоологов, и для археологов. Таким образом, хотя исследование в целом базируется на применении чисто биологических (прежде всего остеометрических) методов, его научная значимость выходит далеко за пределы собственно биологии.

Среди достоинств диссертации Михаила Валерьевича Саблина я бы особенно выделил, во-первых, подлинно междисциплинарный характер, а во-вторых чрезвычайно редкую по нынешним временам тематическую широту. Автор работает на стыке зоологии и археологии, уверенно привлекая также данные множества естественных и гуманитарных наук от генетики до этнографии, а масштаб и разнообразие рассматриваемых им проблем просто поразительны, как и хронологический и таксономический диапазон привлекаемых материалов. Анализируемые в диссертации остеологические коллекции происходят, как я уже говорил, преимущественно с археологических памятников. Геологический возраст

этих памятников варьирует от нижнего плейстоцена до позднего голоцена, а археологический и исторический от нижнего палеолита до позднего железного века и средневековья. Среди рассматриваемых автором тем и вопрос о первоначальном заселении европейской части России человеком, и вопрос об охоте на мамонта, и проблема одомашнивания собаки, и проблема возникновения скотоводства на юге европейской России, и ещё целый ряд столь же увлекательных и в высшей степени дискуссионных сюжетов.

Все затрагиваемые в диссертации вопросы рассматриваются на основе, прежде всего, тщательного анализа конкретных остеологических материалов, изучением которых Михаил Валерьевич занимался на протяжении всей своей научной карьеры. Им были обработаны фаунистические коллекции десятков археологических памятников и в результате получены те данные, на которых базируется большинство выносимых на защиту положений. Следует подчеркнуть, что докторант внёс большой личный вклад в изучение и решение многих из обсуждаемых в работе проблем, а в ряде случаев — и это особенно важно отметить — им были сделаны открытия, позволившие поднять изучение этих проблем на принципиально новый уровень. Среди таких открытий, например, обнаружение черепов собак в старых коллекциях из палеолитической стоянки Елисеевichi, а также обнаружение в коллекции Ливенцовского палеонтологического местонахождения метаподии верблюда со следами разделки каменными орудиями. Первая находка, опубликованная Михаилом Валерьевичем в 2002 г. в самом широко читаемом и авторитетном на тот момент антропологическом журнале мира (*Current Anthropology*), дала серьёзный импульс пересмотру устоявшихся представлений о времени одомашнивания псовых, а вторая существенно укрепила позиции сторонников очень раннего (олдованского) заселения территории юга России человеком. Осмелюсь также предположить — сознавая, что отчасти выхожу в данном случае за рамки своей профессиональной специализации — что и произведённый на основе анализа остеологического материала пересмотр (удревнение) положения нижней хронологической границы таманского фаунистического комплекса и разделение таманской фауны на раннюю (1,6 млн лет) и позднюю (1,1 млн лет) стадии тоже принадлежит к числу важных научных достижений докторанта.

Говоря об основных научных заслугах докторанта нельзя не упомянуть блестящие результаты, полученные им в ходе работы с фаунистической коллекцией позднепалеолитической стоянки Юдиново (Брянская обл.). Многолетнее участие в раскопках этого выдающегося памятника позволило ему сделать ряд ценных наблюдений об особенностях залегания костей разных животных на разных участках культурного слоя,

но особенное значение, на мой взгляд, имеет определение сезонности обитания людей на стоянке. В диссертации убедительно показано, что она служила человеку пристанищем с начала осени до конца весны, а летом не использовалась. Этот вывод, проиллюстрированный очень эффектной диаграммой (с. 139, рис. 4.25), базируется на скрупулёзном анализе сезона гибели большого количества животных, костные остатки которых позволяют определить их индивидуальный возраст. Для археологов исследования такого рода, выполняемые зоологами, имеют большое прикладное значение, позволяя лучше понять образ жизни и стратегии землепользования древних обществ, о которых нет письменных источников информации.

Не менее интересны, но, по-моему мнению, далеко не столь убедительны, выводы, касающиеся ряда костёнковских памятников, относящихся к ранней поре верхнего палеолита. Когда на основе сопоставления количества определимых костей животных разных видов из фаунистических коллекций Костёнок 6, 12 (слой 3) и 17 (слой 2) делается вывод о разных охотничьих предпочтениях обитателей этих стоянок (с. 89 и сл.), не учитывается, что различия эти в общем незначительны и могут иметь случайный характер, поскольку вскрыта была лишь малая часть древних жилых площадей. К тому же даже явное преобладание костей волка в Костёнках 17 проявляется только на уровне числа определимых образцов, тогда как минимальное количество особей здесь столь же мало (2 особи), как и в Костёнках 6 и 12. Нуждается в дополнительном обосновании и заключение, что «предпочтение в охоте на те или иные виды животных в данном случае, скорее всего, зависело от культурных особенностей первобытных племен». Что за "культурные предпочтения" могли обусловить акцент на добычу волка, если такой акцент действительно имел место? Всё это очень спорно.

Сомнительными мне кажутся и некоторые другие утверждения диссертанта. На с. 29 говорится, что «детальное рассмотрение индивидуального возраста животных позволяет в целом ряде случаев с высокой степенью достоверности определить абсолютный возраст местонахождений». Неужели это действительно так? Примеров подобных определений в работе я не нашёл. На с. 105 тяжелые монолитные копья «сунгирского типа», вырезанные из бивня мамонта, отнесены к числу предметов метательного вооружения, хотя вещи эти длиной 1,6 и 2,4 м были, вероятно, слишком тяжёлыми и хрупкими, чтобы служить в таком качестве.

Помимо наличия спорных и сомнительных утверждений такого рода рассматриваемая работа уязвима для критики ещё в ряде отношений. Особенно бросается в глаза некоторая рыхлость, недостаточная продуманность её структуры, проявляющаяся, прежде всего (но не только), в отсутствии развёрнутого заключения. Правда, в конце есть

раздел под названием «Выводы», но раздел этот, занимающий ровно одну страницу и представляющий собой простой перечень из семи пунктов, на роль полноценного заключения претендовать не может. Более того, некоторые из содержащихся в этом перечне выводов попали в него, очевидно, по какому-то недоразумению, поскольку их обоснования в тексте работы нет.

В частности, один из выводов, являющийся также и одним из четырёх «основных положений, выносимых на защиту», звучит так: «Наши исследования показали, что в позднем плейстоцене климат был главной движущей силой, приводившей к изменению численности животных и ареалов их обитания. Охота человека на мамонта, других крупных млекопитающих, по нашим данным, не оказывала значимого влияния на плотность их популяции». Обоснованию первого из этих двух тезисов в работе действительно уделено некоторое внимание, хотя он и без того в общем-то достаточно очевиден и вряд ли может вызвать сегодня серьёзные возражения. А вот второй тезис, связанный с чрезвычайно дискуссионной и активно сейчас обсуждаемой гипотезой «переистребления» палеолитическими охотниками ряда видов и с вопросом о роли человека в позднеплейстоценовом вымирании многих крупных млекопитающих, в обосновании как раз нуждается, и в очень обстоятельном. В диссертации, однако, нет и намёка на попытку анализа этой проблемы, она не рассматривается и даже не упоминается, если не считать процитированный отрывок. Вывод, таким образом, носит чисто декларативный характер. С другой стороны, в перечень почему-то не попали некоторые важные выводы, действительно обоснованные (и притом очень убедительно) автором, например, о сезонности обитания на стоянках позднего палеолита бассейна Десны.

Есть и ряд других вопросов по структуре диссертации. Непонятно, например, почему обсуждение одних крупных биолого-археологических проблем, таких как вопрос об одомашнивании собаки или вопрос об охоте на мамонтов, выделено в особые разделы, а других, таких как вопрос о происхождении скотоводства на юге европейской части России, не выделено, хотя вопросу этому посвящено почти десять страниц текста (с. 60-69). Непонятно также, зачем в главе 2, «Материал и методы», частично повторяется информация из главы 1, «История изучения...» (например, по Киик-Кобе), или почему в ней впервые приводится информация, которую более уместно было бы дать в главе 1 (например, по Юдиново). В главе 1, как пишет автор, «приведен краткий обзор истории изучения крупных антропогеновых млекопитающих с некоторых местонахождений, стоянок и поселений европейской части России», и это всё действительно так. По-моему, однако, гораздо полезней и логичней было бы дать в ней хотя бы очень сжатый очерк

истории изучения четвертичной фауны не “некоторых местонахождений”, а европейской части России в целом (основные этапы, методические и теоретические прорывы и т.д.), а информацию по конкретным памятникам давать в тех главах, где рассматриваются материалы этих памятников.

Остальные мои замечания касаются, главным образом, частностей. Особенно много таких частностей связано с библиографическими ссылками и использованием литературы вообще. Несмотря на то, что автором обсуждаемой диссертации проработан и учтён гигантский объём литературы (её список занимает сто страниц и включает почти тысячу названий), в отдельных случаях, характеризуя современные представления по тому или иному вопросу, он чрезмерно полагается на отчасти устаревшие источники. Так, на с. 69 сообщается, что “древнейшие кости *Homo* найденные в Эфиопии датируются возрастом около 2,3 млн лет (Kimbrel et al., 1997)», но ведь в 2013 г. была найдена, а в 2015 опубликована нижняя челюсть из Леди-Герару, которая имеет дату 2,75-2,8 млн лет и которую многие (хотя и не все) относят к *Homo*. На с. 153 говорится о «заселении палеоиндейцами Нового Света, которое датируется эпохой около 12 тыс. л. н. (Leonard et al., 2002)». На самом деле, как теперь известно, Америка была заселена людьми как минимум на пару тысяч лет раньше, а ссылка в этом контексте на работу двадцатилетней давности - явный анахронизм. Даже утверждение, что костные остатки «настоящих лошадей рода *Equus*» на Африканском континенте «не известны в отложениях древнее 2,2 млн лет», подкреплённое ссылкой на публикацию 2008 г., тоже может нуждаться в небольшой корректировке, поскольку туф G формации Шунгур в Кении датируют сейчас чуть более ранним временем (2,32 млн лет), а для Кооби Форы допускается наличие остатков *Equus* древностью около 2,6 млн лет.

Местами озадачивает отсутствие ссылок там, где они явно нужны, как например. на с. 92 («Характер разделки добычи, а также транспортировка на стоянку тех или иных частей животных есть, как полагают этнографы и антропологи, отражение культурных традиций первобытных людей»), или на с. 214 («Существует тенденция на основании изучения отдельных ископаемых костей из ряда археологических памятников, удревнять время одомашнивания *E. caballus* вплоть до раннего неолита»). Местами же даётся ошибочная историографическая информация. Так, при описании найденного в Костёнках 1 ребра мамонта с застрявшим в нём кремнёвым наконечником, сообщается (с. 108), что в литературе эта находка «была лишь вскользь упомянута в тезисах конференции, которая проходила в 1990 году в Бельгии (Praslov, 2000)», тогда как на самом деле впервые это ребро было описано Н.Д. Прасловым в 1995 г. в журнале «Цитология».

Совсем уж непонятно полное игнорирование — в ущерб собственной работе —

несомненно хорошо известных диссидентанту публикаций отдельных авторов, внесших важный вклад в решение некоторых из рассматриваемых в диссертации проблем. Почему в обзоре археологических свидетельств охоты на мамонта даже не упомянуты опубликованные Питулько и Никольским многочисленные и показательные находки костей этого животного с застрявшими в них обломками палеолитических наконечников с Янской стоянки в северо-восточной Сибири? Ведь упоминается же здесь, на с. 105, позвонок из Луговского в Сибири западной. Кстати, и следующий далее обзор находок костей крупных млекопитающих с вонзившимися в них наконечниками тоже очень неполон. Материалов такого рода для палеолита известно намного больше, есть они и в среднем палеолите, и есть их полные сводки на русском и английском языках. Важные, на мой взгляд, статьи Питулько с соавторами о домашних собаках каменного века в соответствующем разделе диссертации тоже проигнорированы, хотя опубликованные в них материалы проливают важный свет, например, на вопрос о начале использования собак в качестве ездовых животных, затрагиваемый на с. 154.

Напрасно в качестве косвенного свидетельства, подтверждающего гипотезу использования человеком верхнего палеолита лука и стрел, автор приводит серию наскальных изображений бушменов из Южной Африки (с. 107), поскольку это послепалеолитические изображения (очень похожие на них есть, кстати, и в Европе). Известны находки фрагментов луков более древнего, чем эти изображения, возраста, да и вообще о времени появления лука и стрел существует огромная литература, причём новейшие исследования дают основания предполагать, что этот вид вооружения мог появиться около 60 тыс. лет назад.

В нескольких случаях, анализируя материал и обосновывая свои выводы, автор забывает привести или недостаточно чётко излагает некоторые необходимые сведения. В отрывке, посвящённом пересмотру возраста и структуры таманского фаунистического комплекса, нет данных о количестве изученных зубов М3 из Синей Балки, хотя именно их анализ поставлен во главу угла. Нет таких данных и в разделе о самой Синей Балке. В главе о древнейших собаках при описании материалов Елисеевичей на с. 147 говорится: «Еще один целый череп древней собаки (№ 1 по описи) в сочленении с нижней челюстью с квадратом У-73, зафиксирован на слое в раскопе 1965 г. Он был ориентирован лицевой частью к югу, залегал на боку в заполнении ямы-западины с небольшим уклоном к юго-востоку под большой берцовой костью мамонта (рис. 4.21). Изучить эту интересную находку нам, к сожалению, не удалось, поскольку на настоящий момент в остеологической коллекции ИИ НАНБ данный образец отсутствует. Также как и целый череп древней собаки (№ 667 по описи) с квадратом И-37 из раскопа 1963 г.” Здесь остаётся

совершенно непонятным, откуда вообще известно, что это собаки, чьё это определение, когда и на основании чего сделано? На с. 216 при описании фауны Рюрикова городища сообщается, что соотношение домашней и дикой птицы здесь в IX-XII вв. “совершенно не изменилось”, но у любопытного читателя сразу возникает вопрос: а каким же оно было, это не изменившееся соотношение? Кого было больше, дикой птицы или домашней? Есть, конечно, таблица 33 в приложении с длинным списком латинских видовых названий, но её, подозреваю, и не каждый зоолог сходу расшифрует, а отдельной строки с указанием количества остатков домашних и диких птиц в этой таблице нет.

Можно было бы указать ещё на ряд совсем уж мелких, редакционных помарок (например, на с. 186 повторяется два раза подряд едва ли не целый абзац), но они, как, впрочем, и многие из других упущений, отмеченных в критической части моего отзыва, носят целиком или преимущественно формальный характер и не снижают научной значимости диссертационного исследования Михаила Валерьевича Саблина. Значимость же эта очень высока. Обработан и проанализирован с использованием современных методов обширный остеологический материал, определён видовой состав фаунистических комплексов множества местонахождений, стоянок и поселений с территории европейской части России, на этой основе уточнён их абсолютный возраст, реконструированы фауны крупных млекопитающих в разные периоды антропогена на территории европейской части России, выяснена роль ряда видов крупных млекопитающих в жизни человеческих популяций в плейстоцене и голоцене, определены особенности использования людьми этих видов в разные периоды в разных регионах. Таким образом, можно констатировать, что все без исключения задачи, сформулированные во вводном разделе исследования, диссидентом успешно решены.

На мой взгляд, обсуждаемая работа представляет собой абсолютно оригинальное и очень актуальное исследование, вносящее большой вклад как в наши знания о последовательности и хронологии развития фаун Восточной Европы в антропогене, так и в понимание многих ключевых эпизодов истории взаимоотношений животных и людей. Поэтому я могу с полной уверенностью заключить, что диссертация Михаила Валерьевича Саблина «Фауны крупных млекопитающих европейской части России в антропогене», представленная на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности 03.02.04 зоология, является серьезным и оригинальным научным исследованием, а характер и объем проделанной диссидентом работы, использованные им методы и полученные в итоге результаты полностью соответствуют по своей научной значимости всем критериям паспорта специальности 03.02.04 – зоология, биологические науки, и требованиям, установленным п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней»,

предъявляемым к докторским диссертациям. Автор диссертации заслуживает присуждения искомой степени доктора биологических наук по специальности 03.02.04 – зоология. Автореферат диссертации достаточно полно отражает основное содержание и структуру рецензируемой работы.

Подпись:

7 октября 2020 года

Официальный оппонент Вишняцкий Леонид Борисович,
ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб. 18,
служебный телефон 812-5715092
служебный адрес электронной почты rajmi@archeo.ru

